

Воспитательная цель среднего звена немецкой системы образования заключается в оказании помощи учащимся стать полноценной личностью, самостоятельно мыслящей, активной, политически грамотной и ответственной перед своей страной и народом. Достигается это в контексте специально организуемого ценностного воспитания на основе ценностных связей между самим человеком и обществом.

Российская педагогическая и психологическая науки нуждаются в дальнейшем изучении положительного немецкого опыта ценностного воспитания, который может быть использован в условиях российской системы образования с учетом ее национальных особенностей, традиций и ценностей.

Библиографический список:

1. Петрунникова Р. В., Заяц И. И., Ахременко И. И.. История психологии - Минск.: Изд-во МИУ, 2009. – 128 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyera.ru/teoriya-polya-kurta-levina-515.htm> (дата обращения: 27.01.2013)

2. Игнатова А. Ю. Ценностные ориентиры в системе образования Германии (конец XX - начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. – Рязань, 2012. – 20 с

МАССОВОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ТЕНДЕНЦИИ

Дроздов А. Ю. (г. Чернигов, Украина)

Поскольку бытие человека одновременно протекает в нескольких «системах координат» (политической, экономической, культурной, экологической, географической и т.д.), закономерным становится их своеобразная «интерференция» в индивидуальном и общественном сознании. При этом, в частности, восприятие «мира политики» может осуществляться сквозь призму «мира географического», и наоборот. Вследствие системного характера сознания, эти две, на первый взгляд, разные «системы отсчета» могут объединяться, «сплавляться», влиять друг на друга, что, в результате, дает возможность вести речь о феномене геополитического сознания (ГПС). Его мы понимаем как форму отражения (ментальной репрезентации) событий и явлений «политического мира» сквозь призму «мира географического» путем отождествления определенного географического пространства с проводимой там политикой [3].

Многие исследователи, изучавшие популярные геополитические образы и представления («популярная геополитика», «геополитическая культура», «геополитическое знание», «внешнеполитическое сознание», «внешнеполитический менталитет» и т.д.), рассматривали их как разновидность общественного (массового) сознания [4; 9; 11; 12]. На наш взгляд, как и политическое сознание в целом, ГПС может развиваться,

функционировать и проявляться на разных уровнях – индивидуальном, групповом и массовом. Вместе с тем, большая часть геополитических образов и представлений выступают формой именно социального знания («социальных репрезентаций» по С. Московичи), поскольку собственно-го опыта личности для осознания геополитической реальности, как правило, не хватает; к тому же, источником такой информации в основном выступают социальные институты (система образования, СМИ и т.д.). Кроме этого, значимыми факторами и структурными компонентами ГПС являются социокультурные стереотипы и политические (в т.ч. геополитические) мифы. Комментируя роль последних, украинский политолог Ю. Шайгородский точно подметил, что «В массовом сознании «европейский выбор» приобретает мифический образ рая и беспроblemной жизни: в современном украинском общественном мнении распространены идеи, что Европа символизирует «высшее благо», идеал воплощения Истины, Добра и Красоты, что отражается в многочисленных декларациях о «возвращении в Европу», «присоединении к Европе», провозглашаемых во время политических дебатов, научных дискуссий или культурных акций. Интересно, что даже в быту широко распространились такие словосочетания, как «евроремонт», «евростиль», «евроокна» и т.д., что отражают наше стремление приблизиться к «европейскому благу»...» [10, С.31]. Все это заставляет нас обратить особое внимание именно на феномен массового геополитического сознания (МГПС).

Объединяя в себе знание разных типов (пространственное и социально-политическое), МГПС фактически является своеобразным «интегратором» в процессе познания широкого круга явлений – определенных территорий, живущих там людей, происходящих там разных процессов и т.д. Все это предполагает наличие связей со многими другими формами массового (общественного) сознания. Прежде всего, это географическое и политическое сознание, что видно хотя бы из самого названия рассматриваемого явления. Географическое сознание (культура) содержит нормы и традиции восприятия и осмысления географического пространства на разных его уровнях. Например, нормы отечественной и западноевропейской географических культур с детства формируют стереотип европоцентрического восприятия мира – достаточно вспомнить «классические» карты мира, на которых именно Европа занимает центральное положение. Важнейшую роль тут, безусловно, играют политическое сознание и культура, связанные с восприятием и оценкой разных политических явлений (в т.ч. государств, их союзов) и процессов (внутренней и внешней политики стран, военно-политических конфликтов и т.д.).

При этом было бы ошибочным считать, что содержание МГПС ограничивается только географическим и политическим знаниями (хотя именно они являются его «базисом» – «знанием-где» и «знанием-что»). Во-первых, сама сущность политики делает ее сферу достаточно широкой, поскольку

ку политическим потенциально может быть абсолютно любое явление, вызывающее общественный интерес. Во-вторых, многие геополитические по своей сути феномены могут иметь и «неполитическую» сторону. Например, США могут восприниматься как государство, проводящее определенную политику, и/или как страна со специфическими культурными традициями. В результате, есть все основания для выделения связей МГПС с такими формами общественного сознания: экономическим («Америка – самая богатая страна мира», «Африка – самый бедный регион»), национальным («Россия – для русских»), историческим («Испокон веков эта земля была нашей»), эстетическим («Италия/Франция и т.д. – страна самой красивой архитектуры/музыки...»), экологическим («После Чернобыля жить в этой стране/регионе опасно...»), правовым («Нарушив всех международных нормы, НАТО напало на Югославию»), религиозным («Иерусалим – святая земля», «США проводят сатанинскую политику»), моральным («глобализация несет с собой зло», «Война в Афганистане/Чечне была несправедливой»).

Поскольку МГПС выступает комплексным феноменом, его психологический анализ требует применения именно принципов системного подхода. Поэтому в качестве теоретико-методологической основы мы выбрали модель «пентабазиса», предложенную В.Ганзенем в качестве инструмента для системных описаний психологических явлений. Напомним, что «пентабазис» предусматривает возможность описания любого сложного феномена с помощью пяти элементов, из которых четыре являются структурным, а последний пятый – интегрирующим [1]. В результате проведенного теоретического анализа, мы выделили следующие компоненты МГПС: 1) социальные представления (знания, идеи) геополитического характера; 2) стереотипные геополитические образы; 3) массовые настроения (эмоции), касающиеся геополитических проблем; 4) массовые интересы (желания) геополитического характера. При этом пары компонентов 1-2 составляют когнитивный (познавательный), а 3-4 – мотивационный (регулятивный) блоки МГПС. В тоже время, пары 2-3 отражают «нижний» (бытовой), а 1-4 – «верхний» (более идеологически структурированный) уровни. Следует отметить, что описанные нами составляющие МГПС по своему смыслу перекликаются с теми компонентами массового (общественного) сознания, которые ранее были выделены российскими социологами [2] и психологами [5].

Формирование и динамика МГПС связаны с действием широкого круга социальных факторов: особенности внутренней и внешней политики государств, локальные и глобальные геополитические процессы (войны, политические конфликты, глобализация), история взаимоотношений государств и народов, влияние разных институтов социализации (система образования и воспитания, СМИ), социокультурные факторы (социальные стереотипы, мифы, религия, искусство, язык) и т.д. Кроме них, косвенное

влияние оказывают и географические факторы (ландшафтно-климатические условия проживания этноса). Известно, например, что островное расположение Великобритании сказалось не только на специфике национальной культуры ее граждан, но и на их геополитическом восприятии. Старый стереотип о том, что «туземцы начинаются с Кале» (т.е. ближайшего французского порта) жив до сих пор, в результате чего англичане мало идентифицируют свою страну с «единой Европой» (достаточно вспомнить, что Британия до сих пор не вошла в «зону евро», а Шенгенские соглашения подписала лишь на условиях ограниченного членства).

Отметим, что большинство зарубежных и отечественных исследований массовых геополитических представлений носило и до сих пор носит социологический характер. Вместе с тем, малоизученными являются психологические аспекты МГПС, хотя определенные наработки российских [6] и украинских [7; 8] психологов в этом направлении все-таки есть. С 2011 г. нами была проведена серия эмпирических исследований в рамках исследовательского проекта «Психология массового геополитического сознания». С некоторыми полученными результатами, отражающими социально-психологические особенности МГПС граждан Украины, мы и хотим поделиться в данной работе.

Во-первых, как мы обнаружили, не смотря на все глобализационные процессы последних десятилетий (и уверения многих интеллектуалов про «изменение картины мира в сознании людей», «стирание национально-государственных границ» и т.д.), модель мира, или, точнее говоря, геополитическая карта мира, по-прежнему носит модернистский, т.е. «государственно-ориентированный» характер. Иными словами, основными элементами глобального геополитического пространства по-прежнему считаются национальные государства, а не наднациональные образования. В частности, результаты пилотажного опроса, проведенного нами в разных регионах Украины (2011 г.), показали, что основу геополитических ментальных карт мира жителей Украины составляют именно страны, а именно: США (упоминались 81% опрошенных), Россия (74%), Германия (53%), Украина (50%), Великобритания (44%), Китай (42%), Франция (39%), Япония (34%) и Канада (34%). Региональные политико-экономические и военно-политические союзы упоминались намного реже: Евросоюз – 25% респондентов, НАТО – 22%, а СНГ – 14%. В основе геополитической ментальной карты мира опрошенных фактически лежит модель «Украина между Западом (США и Западная Европа) и Востоком-Россией», что полностью соответствует особенностям политико-идеологической поляризации современного украинского общества.

В другом нашем исследовании (2012 г.) было выявлено, что во всех возрастных и половых группах имеет место практически одинаковая пропорция компонентов МГПС (последние выявлялись с помощью ассоциативного теста, при котором испытуемых просили привести любые

ассоциации, касающиеся политики ранее упомянутых стран). На первом по частоте месте были ассоциации-знания (идеи). Примерами являются ответы типа «демократия», «агрессивная политика», «война», «развитие», «сильная страна», «лучшая жизнь». На втором месте были ответы-образы: «Путин», «Обама», «королева Елизавета», «доллар», «автомобили», «Эйфелева башня», хотя их количество в 2-5 раз уступало частоте ассоциаций первого типа. Со значительным отрывом на третьем и четвертом местах были соответственно ответы-эмоции («ужас», «власть, которая мне не нравится») и желания-интересы («всегда хотела там побывать», «следует заботиться о людях»).

Было обнаружено, что социальные представления о разных геополитических акторах отличаются по мере выраженности в их структуре политических компонентов. Так, «ядро» представлений про США, Россию, Украину носит преимущественно социально-политический характер, в то время как про другие страны – неполитический («парагеополитический»), в частности экономический и культурный. Например, доминирующей ассоциацией относительно Японии был «научно-технический прогресс». В целом, при восприятии большинства стран имеет место своеобразный «микс» из политических, экономических и культурологических представлений и оценок, что подтверждает системный характер МГПС.

Выявилось, что геополитические образы и представления имеют разный уровень персонифицированности. В наибольшей мере это касалось России (В. Путин) и Великобритании (Елизавета II), в несколько меньшей – США, Германии и Франции (действующие президенты и канцлер). Интересно, что политических лидеров своей страны испытуемые вспоминали еще реже (возможно это было связано с выраженной негативной оценкой социально-политической ситуации на Украине). А относительно Японии и Канады персонифицированные геополитические образы просто отсутствовали.

Подтверждением комплексного характера массового ГПС могут быть и выявленные нами критерии («конструкты») восприятия и оценки геополитических акторов. Практически во всех группах имели место три основных критерия: 1) социально-экономическое благополучие и демократичность страны; 2) эмоциональное отношение к стране, связанное с характером ее внешней политики (агрессивность-миролюбивость); 3) открытость и культурная самобытность страны. Будучи основой социальной категоризации стран, эти три критерия-конструкта фактически формируют «систему координат» массовых геополитических ментальных карт мира.

Перспективным направлением дальнейших психологических исследований феномена МГПС, на наш взгляд, является выявление характера и психологических механизмов влияния социокультурных факторов на геополитический образ (ментальную карту) мира и своей страны.

Библиографический список:

1. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 176 с.
2. Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
3. Дроздов А. Ю. Феноменология геополитического сознания // Психология сознания: современное состояние и перспективы: материалы II всерос. науч. конференции (29 сентября – 1 октября 2011 г., Самара). Самара, 2011. С. 171-174.
4. Косолапов Н. А. Внешнеполитическое сознание: категория и реальность // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002. С.207-222.
5. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб: Питер, 2001. 368 с.
6. Петренко В. Ф., Митина О. В., Бердников К. А. Психосемантический анализ геополитических представлений России // Психологический журнал. 2000. Т.21. № 2. С.49-69.
7. Прокопенко В. Л. Геополітичний образ країни як чинник громадянської ідентичності студентської молоді: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. К., 2012. 18 с.
8. Хазратова Н. В. Психологія відносин особистості й держави: автореф. дис. ... докт. психол. наук: 19.00.05. К., 2005. 33 с.
9. Чугров С. В. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // Политические исследования. 2007. № 4. С.46-65.
10. Шайгородський Ю. Міфотворчість в Україні як соціальна технологія // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. К.-Миколаїв, 2008. Вип. 13. С.27-43.
11. Шевченко М. М. Геополітичні знання як системна основа формування суспільної свідомості (соціально-філософський аспект аналізу): автореф. дис. ... канд. філос. наук: 09.00.03. К., 2004. 18 с.
12. Ó Tuathail G. Geopolitical Structures and Geopolitical Cultures: Towards Conceptual Clarity in the Critical Study of Geopolitics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.toal.net/Publish/Papers/GeopoliticalCulture2.pdf>

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ И СТИЛИ РЕАГИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ НА ИМИДЖЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

Елисеева Ж. М. (г. Пенза, Россия)

Управленческое решение представляет собой основной вид деятельности руководителя. Оно творит направление, форму и содержание труда коллектива подчиненных. Самые незначительные пробелы в управленческих решениях могут обернуться потерями, как для работников организации, так и для компании в целом [5, с. 34]. Грамотное профессиональное управление в организациях реагирует в виде управленческих решений, прежде всего на